

УДК 811.111'221

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-733-746

Репрезентация суггестивной эвиденциальности в политическом массмедийном дискурсе

Козловский Д.В.

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
Россия, 410054, Саратовская область, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77
E-mail: kozlovskydv@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется значимостью выявления и описания формируемой автором эвиденциальной семантики в процессе передачи информации в рамках дискурсивного эвиденциального контекста, а также недостаточной изученностью эвиденциальности в подобном ракурсе. Цель исследования – определение роли суггестивной эвиденциальности в передаче интенциональной доминанты политического массмедийного дискурса. Применялся лингвосинергетический метод эвиденциального анализа, что позволило выявить добавочную мультимодальную семантику наряду с основным значением эвиденциальности, предполагающим квалификацию источника информации о том или ином событии. Как показали результаты исследования, семантика суггестивной эвиденциальности соответствует мультимодальной семантике, характерной для политического дискурса массмедиа. Сделан вывод, что суггестивная эвиденциальность отражает его интенциональную доминанту, основанную на убеждении и побуждении читателя к действиям, а также представлении фактов в определенном свете. При этом преобладание психологической эвиденциальности (53,8 % примеров) над авторитарной эвиденциальностью (46,2 % примеров) обусловлено более широкой семантикой первого подвида категории, предполагающего воздействие как на область сознания, так и на область подсознания читателя, в отличие от авторитарного подвида, характеризующегося категоричным и императивным воздействием автора на сознание конечного адресата.

Ключевые слова: политический дискурс, суггестивная эвиденциальность, авторитарная эвиденциальность, психологическая эвиденциальность, автор, читатель, лингвосинергетика

Для цитирования: Козловский Д.В. 2022. Репрезентация суггестивной эвиденциальности в политическом массмедийном дискурсе. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 733–746. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-733-746

Representation of Suggestive Evidentiality in Political Mass Media-Discourse

Dmitry V. Kozlovsky

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77 Polytechnicheskaya St, Saratov 410054, Russia
E-mail: kozlovskydv@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the importance of identifying and describing the evidentiary semantics formed by the author in the process of transmitting information in a discursive evidentiary context, as well as the insufficient study of evidence in this perspective. The purpose of the study is to determine the role of suggestibility in the transmission of deliberate dominance of political discourse in the media. The linguosynergic method of evidential analysis was used, which revealed additional multimodal semantics along with the main meaning of evidence, which suggests the qualification of the source of information about a particular event. As the results of the study show, the semantics of suggestive evidence corresponds to the multimodal semantics characteristic of the political discourse of the media. It was concluded that suggestive evidence reflects their deliberate dominance

based on persuasion and prompting the reader to act, as well as on presenting the facts in a certain light. At the same time, the predominance of psychological evidence (53.8% of examples) over authoritative evidence (46.2% of examples) is due to the broader semantics of the first subspecies of the category, suggesting an impact on both the area of consciousness and the subconscious of the reader, in contrast to the authoritarian subspecies, characterized by the categorical and imperative influence of the author on the consciousness of the final addressee.

Keywords: political discourse, suggestive evidentiality, authoritarian evidentiality, psychological evidence, author, reader, linguosynergetics

For citation: Kozlovsky D.V. 2022. Representation of Suggestive Evidentiality in Political Mass Media-Discourse. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(4): 733–746 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-733-746

Введение

В русле глобальной цифровизации возрастает важность получения информации о происходящих в мире событиях – она становится значимой и неотъемлемой частью жизни каждого человека. Ведущая роль в реализации данной функции отводится средствам массовой информации, которые не только представляют различные сообщения, но и связаны с трактовкой репрезентируемых сведений. Подобная интерпретация зачастую обладает субъективным характером и обуславливается особенностями языковой культуры, личными воззрениями, убеждениями и ценностями автора, а также идеологической направленностью дискурса [Иванова, 2017]. При этом авторская квалификация информации может осуществляться в явной и скрытой форме посредством языковых маркеров различных модусных категорий и в частности при помощи показателей категории «эвиденциальность» [Squartini, 2008; Peterson, 2010]. Несмотря на большое количество научных исследований, посвященных данной проблематике, работы, связанные с рассмотрением функционирования эвиденциальности в пространстве массмедийного дискурса не столь многочисленны [Клеменова, Кудряшов 2016; Астахова, 2018; Никонова, 2022], в то время как исследования на материале политического дискурса массмедиа практически отсутствуют.

В процессе развертывания дискурса автор обращается к средствам выражения эвиденциальности для оказания соответствующего воздействия на потенциального читателя. Характер подобного воздействия зависит от коммуникативных авторских интенций и жанровых особенностей конкретного дискурса [Nuckolls, Michael, 2012; Söderqvist, 2017]. Значимость спецификации и дифференциации эвиденциальной семантики, формулируемой автором в ходе актуализации информации в контексте того или иного дискурсивного отрывка с целью оказания воздействия на конечного адресата, а также недостаточная изученность эвиденциальности в подобном ракурсе определяют актуальность данного исследования.

Цель настоящей статьи состоит в репрезентации роли суггестивной эвиденциальности в ходе передачи интенциональной доминанты политического медиадискурса. К задачам исследования относятся выявление авторитарного и психологического подвидов суггестивной эвиденциальности, а также определение особенностей выражения обозначенных эвиденциальных подвидов в дискурсивном пространстве.

Объекты и методы исследования

В качестве материала исследования репрезентации выявленных авторитарного и психологического подвидов суггестивной эвиденциальности послужили словарные дефиниции словаря *Longman Dictionary of Contemporary English*, использованные для обоснования значений выявленных эвиденциальных операторов, а также 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов, полученные методом сплошной выборки и взятые из элек-

тронной версии журнала *The Economist*. Данные контексты включают в себя речевой и ситуационный компоненты и описывают определенные политические события, при этом ситуационный компонент содержит описание определенного события, в то время как речевой репрезентирует эвиденциальное высказывание, в подготовительной фазе (профаза) которого находится эвиденциальный оператор, представляющий оценку сведений автором и квалифицирующий источник информации, а исполнительная фаза (эпифаза) конкретизирует, модифицирует либо результирует смысл, выразителем которого выступает профаза [Борботько, 2011]. Тем самым значение конкретного эвиденциального высказывания обусловлено порядком значений, принадлежащих профаза и эпифазе, а интенциональная направленность политического дискурса массмедиа формирует его эвиденциальный ресурс.

Подобный ракурс исследования функционирования эвиденциальности базируется на ее понимании как модусной категории, включающей интерпретацию и коммуникативную оценку сообщения автором наряду с маркировкой источника информации, а также характера передаваемых сведений [Murtagh, 2011; Лунина, 2020]. Эвиденциальность обладает эксплицитным или имплицитным набором лингвистических и паралингвистических языковых средств, включающих модальные слова, глаголы, наречия, прилагательные, существительные и ряд устойчивых словосочетаний. Обозначенные показатели составляют 10 групп операторов модусной категории эвиденциальность: явного указания (*announce, inform, state*), неявного указания (*hint, intimate, mention*), усиления значимости высказывания (*advert, claim, emphasize*), выражения мнения (*accept, believe, idea*), мыслительной деятельности (*contemplate, dream, think*), уверенности в знании (*clear, know, surely*), сомнения (*admit, assume, hesitate*), предчувствия (*expect, forecast, predict*), умственного восприятия (*cite, recall, unforgettable*), а также чувственного восприятия (*hear, feel, see*) [Козловский, 2021, с. 124].

В ходе проведения экспериментального исследования применялся лингвосинергетический метод эвиденциального анализа. Данный метод связан с рассмотрением специфики актуализации эвиденциальности в дискурсивном пространстве в определенной коммуникативной ситуации. Наряду с этим лингвосинергетический метод предполагает изучение особенностей взаимопроникновения и взаимодополнения мультимодальных значений, формируемых в результате синергии различных эвиденциальных операторов и показателей других модусных категорий. В связи с тем, что принцип взаимопроникновения модусных значений принадлежит к профаза, а принцип взаимодополнения – к эпифазе эвиденциального высказывания, первый используется для оказания эксплицитного, директивного авторского воздействия на адресата, а второй применяется в случае необходимости имплицитного, косвенного воздействия. Другими словами, обращение к методу лингвосинергетического эвиденциального анализа предполагает детальное исследование мультимодальных эвиденциальных значений, отражающих прагма-семантическое целое и формируемых при помощи языковых средств в определенных дискурсивным контекстом рамках.

Лингвосинергетический метод также предусматривает рассмотрение итогового объекта эвиденциального воздействия, в качестве которого выступает читатель, интерпретирующий и оценивающий полученную информацию. Важно подчеркнуть, что автор формирует, упорядочивает, направляет и изменяет восприятие сообщения читателем, разграничивая визуальный и вербальный план выражения, а также свою точку зрения и воззрения субъекта коммуникации посредством отстранения от описываемых сведений.

Ввиду того, что указание на источник передаваемой информации принадлежит к числу основополагающих составляющих политического дискурса, релевантность осуществления лингвосинергетического эвиденциального анализа в дискурсивном массмедийном контексте не вызывает сомнений. В связи с тем, что базовая функция модусных категорий заключается в выражении субъективного отношения автора в ходе репрезентации картины действительности, эвиденциальность представляется возможным рассматривать в качестве оценочной дискурсивной постоянной, актуализируемой посредством определенного набора языковых показателей.

Результаты и их обсуждение

Сочетание принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов и пересечение мультимодальных значений в рамках развертывания эвиденциального дискурсивного контекста интенсифицирует эффект суггестивного воздействия на конечного адресата (читателя) и обуславливается выбором автором эвиденциальных операторов определенных групп, а также характерными особенностями коммуникативной ситуации [Speas, 2010, с. 130]. Исходя из этого, специфику репрезентации автором тех или иных эвиденциальных значений в процессе раскрытия интенциональной доминанты передаваемого сообщения следует изучать в контексте обращения к различным дискурсам. В рамках настоящей работы рассматривается политический дискурс массмедиа.

Базовой характеристикой, способствующей дифференциации различных дискурсов, является интенциональная доминанта. В своих работах Т.В. Шмелева представляет 5 основных интенций, свойственных медиасфере: «информировать, разъяснять с опорой на анализ и оценки, убеждать, рационально и эмоционально воздействуя, развлекать, привлекать и побуждать» [Шмелева, 2010–2012, с. 43]. Они определяют особенности интерпретации репрезентируемой автором информации, а также маркировку её источника, выступая в качестве инструмента, формирующего итоговое восприятие сведений читателем. Таким образом, интенции играют важнейшую роль в процессе актуализации эвиденциального дискурсивного контекста. Невзирая на несомненную «диффузность» и «гибридизацию» медиажанров, преобладающей интенцией в рамках политического дискурса является стремление автора убедить читателя при помощи рационального и эмоционального воздействия [Шиббаева, 2000]. Указанное положение соответствует точке зрения Л.Р. Дускаевой, выделяющей персуазивные группы жанров «способствующие выработке какой-либо формы поведения у аудитории» [Дускаева, 2014, с. 53].

Следовательно, процесс представления тех или иных эвиденциальных значений напрямую связан с интенциональностью дискурсивного жанра, обуславливающей авторский выбор эвиденциальных операторов в ходе осуществления лингвосинергетического взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов. Итогом описываемого процесса становится формирование мультимодальной эвиденциальной семантики, оказывающей влияние на потенциального читателя дискурсивного отрывка. В рамках актуализации эвиденциального высказывания и при помощи определенных эвиденциальных операторов, способствующих созданию необходимой эвиденциальной семантики, автор выполняет стоящие перед ним задачи, продиктованные коммуникативной дискурсивной стратегией. При этом для политического дискурса массмедиа характерна суггестивная стратегия, осуществляемая в случае, когда квалификация и авторская оценка преподносятся в готовой форме и навязываются читателю. Принятие во внимание обозначенной стратегии приводит к формированию особой эвиденциальной семантики в ходе передачи сведений и определения их источника и позволяет говорить о выражении семантики суггестивной эвиденциальности в дискурсивном пространстве политического дискурса массмедиа.

Суггестивная эвиденциальность обусловлена стремлением автора представить информацию как неоспоримый факт, ввиду желания навязать своё мнение, подчинить воле, ввести в заблуждение, сформировать у потенциального читателя иллюзию свободного принятия решения или переложить на него ответственность за происходящие события. Данный вид эвиденциальности связан с обращением автора к различным эмоционально-оценочным и модальным средствам воздействия на адресата, способствующим достижению поставленных коммуникативных целей. Информация об источнике сообщения, а также непосредственно сами сведения интерпретируются автором на основе субъективных факторов.

В зависимости от специфики коммуникативной стратегии исследуемого дискурсивного отрывка представляется возможным выделить 2 подвида суггестивной эвиденциальности: авторитарную и психологическую.

А) *Авторитарная* эвиденциальность отражает ультимативное стремление автора к фактическому и императивному представлению сведений без учёта личностных и психологических характеристик конечного адресата. Репрезентируемые подобным образом сведения могут искажать восприятие действительности, а также ценностные ориентации читателя. Целью обращения автора к семантике авторитарной эвиденциальности может явиться стремление обозначить тот факт, что воспринимаемые сведения находятся за пределами интересов и потребностей адресата, или, напротив, создать иллюзию решения, самостоятельно принятого адресатом, что позволит автору снять с себя ответственность за истинность актуализируемых данных. Рассмотрим следующий пример:

Are sausage rolls and sauvignon blanc really a sacking offence? For Britain's sake, they should be. One reason is that the relentless partying is evidence of Mr Johnson's sense of entitlement, which holds that there is one rule for him and his people and another for everyone else. Double standards at the top tend to corrupt the whole of public life. More important, it raises two other of Mr Johnson's attributes that plague post-Brexit Britain. They are traits the country needs to overcome if it is to thrive [The parable of ..., 2022] / Могут ли булочки с сосисками и совиньон блан явиться весомым поводом для увольнения? Ради блага Британии – да. Одна из причин заключается в том, что неустанные вечеринки доказывают то, что мистер Джонсон считает, что для него и его приближенных существуют одни правила, а для всех остальных – другие. Двойные стандарты руководства развращают всю общественную жизнь. Что еще более важно, это выявляет два других качества г-на Джонсона, которые характерны для Британии в период после брексита. Это черты, которые стране необходимо искоренить, если она хочет процветать. (здесь и далее перевод наш. – Д. К.)

Данный дискурсивный эвиденциальный отрывок представляет собой фрагмент статьи, посвященной оценке деятельности премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона (С2).

Семантика непосредственной эвиденциальности выражается при помощи оператора усиления значимости высказывания *for one's sake* / ради чего-либо (*in order to help, improve someone or something [For one's sake, 2022]* / для того, чтобы помочь, улучшить кого-либо или что-либо), репрезентирующего жесткую позицию автора статьи (С1) относительно необходимости отстранения С2 от занимаемой должности; оператора явного указания *reason* / причина (*why something happens, or why someone does something [Reason, 2022]* / почему что-либо происходит или почему кто-то делает что-то) и оператора уверенности в знании *evidence* / доказательство (*facts or signs that show clearly that something exists or is true [Evidence, 2022]* / факты или показатели, которые явно демонстрируют, что что-либо существует или является правдой), используемых для представления доводов С1; оператора выражения мнения *hold* / считать (*to have a particular opinion or belief [Hold, 2022]* / иметь особое мнение либо убеждение) и оператора усиления значимости высказывания *important* / важно (*an important event, decision, problem etc. has a big effect or influence on people's lives or on events in the future [Important, 2022]* / важное событие, решение, проблема и т. д. оказывает большое влияние на жизнь людей или на события в будущем), указывающих на выводной характер передаваемых сведений и подчёркивающего уверенность С1 в их достоверности.

Подобная последовательность употребления эвиденциальных операторов способствует реализации коммуникативной стратегии С1, предполагающей оказание директивного воздействия на восприятие действительности адресатом / читателем (О). Эффект суггестивного воздействия на О усиливается за счёт сочетания эвиденциальной семантики со

значениями других модусных категорий в рамках реализации принципа взаимопроникновения модусных смыслов.

Например, мы можем наблюдать пересечение значений эвиденциальности и эмотивности (*Emt*) в эвиденциальном операторе *for one's sake / ради чего-либо*, демонстрирующего раздражение и эмоциональное напряжение *CI*. Подобного рода семантика также свидетельствует о личной вовлеченности автора в освещаемую тематику, тем самым указывая на субъективный характер транслируемой *O* информации.

Эвиденциальность также пересекается с персуазивностью (*P*) в маркерах *for one's sake / ради чего-либо*, *evidence / доказательство*, а также *important / важно*. При помощи указанных операторов *CI* осуществляет квалификацию передаваемых сведений и их источника, демонстрируя абсолютную уверенность в достоверности приводимых доводов, основывающихся как на подтвержденных фактах, так и на субъективном восприятии действительности и сопутствующих выводах. Тем самым *CI* формирует у читателя схожее отношение к действительности, убеждая последнего в своей правоте.

Таким образом, данный эвиденциальный отрывок представляет эвиденциальную модель (*Evs + Emt + P*), актуализирующую авторитарный подвид суггестивной эвиденциальности. Выявленная мультимодальная семантика соответствует принципам реализации модусных значений в рамках политического дискурса.

Б) В рамках *психологического* подвида суггестивной эвиденциальности автор апеллирует не только к области сознания, но и к подсознанию, эмоциям и чувствам читателя, тем самым осуществляя воздействие на контрольно-регулятивную функцию его психики посредством использования определенных эвиденциальных операторов. Подобный способ воздействия позволяет понизить критичность читательской оценки полученных сведений, а также увеличивает вероятность их дальнейшего использования, нивелируя активное восприятие, подробный логический анализ и квалификацию информации и её источника. К ключевым особенностям данного эвиденциального подвида относится применение автором эвиденциальной семантики, способной вывести читателя из состояния психологического равновесия, а также играть на чувствах адресата. Рассмотрим пример:

How the voting-rights package would escape these realities was never clear. The ten Republican votes needed to surmount a filibuster were never in sight. Neither was the unanimous Democratic support necessary to modify the rules governing the filibuster using a simple majority. Mr Biden seemed to hope that stridency alone would suffice to unblock the bill. On January 11th he gave a speech in Atlanta warning darkly of a Republican plot to "turn the will of the voters into a mere suggestion" [Joe Biden's ..., 2022] / *Каким образом законопроект о реформировании избирательного права сможет избежать текущих реалий, никогда не было ясно. Десяти голосов республиканцев, необходимых для принятия законопроекта, никогда не набиралось по итогам голосования. Не было необходимости и в единодушной поддержке демократов, дабы изменить существующие нормы, что позволило бы принять законопроект посредством простого большинства голосов. Байден, по-видимому, надеялся, что одного давления с его стороны будет достаточно, чтобы разблокировать законопроект. 11 января в Атланте он выступил с суровым предостережением о заговоре республиканцев, имеющим своей целью «превратить волю избирателей в простые пожелания».*

Настоящий дискурсивный эвиденциальный контекст посвящен обсуждению итогов заседания Сената США, в ходе которого сенаторы в очередной раз заблокировали законопроект о реформировании избирательного права. Как известно, данное обстоятельство связано с тем, что против данного законопроекта решительно выступают республиканцы.

Эвиденциальная семантика анализируемого отрывка передается при помощи оператора уверенности в знании *clear / ясно (impossible to doubt, question, or make a mistake about [Clear, 2022] / невозможно усомниться, задаться вопросом, или ошибиться в чем-либо)*, демонстрирующего уверенность автора (*CI*) в невозможности принятия законопро-

екта и обладающего значением инферентива; оператора явного указания *in sight* / *в наличии* (*near at hand, close to being achieved or realized* [In sight, 2022] / *находиться под рукой, являются достижимым и осуществимым*), указывающего на непосредственное свидетельство *C1* факта отсутствия необходимого количества голосов; оператора сомнения *seem* / *по-видимому* (*to appear to exist or be true, or to have a particular quality* [Seem, 2022] / *казаться правдивым или обладать определенным качеством*) и оператора предчувствия *hope* / *надеяться* (*to want something to happen or be true and to believe that it is possible or likely* [Hope, 2022] / *хотеть, чтобы что-либо произошло или являлось правдой и считать, что это возможно либо вероятно*), выражающих негативное отношение *C1* к попыткам президента США Джо Байдена (*C2*) «продать» законопроект; оператора явного указания *give a speech* / *выступить с речью* (*a talk, especially a formal one about a particular subject, given to a group of people* [Give a speech, 2022] / *выступление, в частности, формальное, на определенную тему перед группой людей*) и оператора усиления значимости высказывания *warn* / *предостерегать* (*to tell someone that something bad or dangerous may happen, so that they can avoid or prevent it* [Warn, 2022] / *говорить кому-либо, что может произойти что-либо плохое или опасное, однако, этого можно избежать или предотвратить*), репрезентирующих попытку *C2* оказать психологическое воздействие на членов Сената.

В исследуемом эвиденциальном дискурсивном контексте автор (*C1*) выстраивает повествование определенным образом, умело оперирует имеющимися данными о существующих трудностях с принятием законопроекта, стремится повысить достоверность информации и её источника, подкрепляя актуализируемые данные цитатой *C2*, взятой из официального выступления президента, и интерпретируя сведения при помощи комбинации эвиденциальных операторов явного указания, сомнения, предчувствия, усиления значимости высказывания и уверенности в знании, тем самым искажая восприятие передаваемой информации потенциальным читателем (*O*). Оказывая воздействие на контрольно-регулятивную функцию сознания *O*, *C1* стремится подчеркнуть безапелляционность приводимых суждений, практически полностью основывающихся на его субъективных предположениях. При этом эвиденциальная семантика дополняется значением иных модусных категорий, что усиливает психологический эффект воздействия на *O*.

Так, в рамках реализации принципа лингвосинергетического взаимодополнения модусных смыслов эвиденциальность дополняется экспрессивностью (*Ex*), выражаемой при помощи показателя *warn darkly* / *сурово предостерегать*, способствующего актуализации субъективной оценки *C2* последствий возможного заговора республиканцев. Наряду с этим эвиденциальность дополняется модальной семантикой (*M*), репрезентируемой маркером *necessary* / *необходимо* и призванной фальсифицировать восприятие действительности *O* за счёт отождествления предположений *C1* с официальной позицией *C2* относительно важности поддержки со стороны демократов. Кроме того, эвиденциальные операторы *clear* / *ясно* и *warn* / *предостерегать* одновременно являются маркерами персуазивности (*P*) и могут использоваться *C1* для того, чтобы аргументировать приведенные ранее доводы о применяемых *C2* методах воздействия на Сенат, а также убедить *O* в недобросовестности избранной *C2* тактики политического давления. Наконец, в анализируемом дискурсивном контексте эвиденциальность сочетается с отрицанием (*D*), выражаемым повторяющимся и следующими друг за другом показателями *never* / *никогда*, а также маркером *neither* / *никакой*, подкрепляющими эффект директивного воздействия на *O*.

Таким образом, настоящий эвиденциальный дискурсивный контекст представляет эвиденциальную модель (*Evs + Ex + M + P + D*) и отражает психологический подвид суггестивной эвиденциальности.

В целом анализ функционирования суггестивной эвиденциальности становится возможным благодаря исследованию представленности эвиденциальных операторов в пространстве политического массмедийного дискурса.

В рамках исследования проанализировано 1000 эвиденциальных дискурсивных контекстов, характеризующихся семантикой суггестивной эвиденциальности. Данный вид категории обладает следующей представленностью эвиденциальных показателей: операторы усиления значимости высказывания (23,2 % примеров), операторы явного указания (2,8 % примеров), операторы уверенности в знании (25,1 % примеров); операторы выражения мнения (8,8 % примеров), операторы предчувствия (17,5 % примеров), операторы чувственного восприятия (1,2 % примеров), операторы неявного указания (2,1 % примеров), операторы сомнения (14,3 % примеров), операторы мыслительной деятельности (3,7 % примеров), операторы умственного восприятия (1,3 % примеров). Полученные данные представлены на рис. 1.

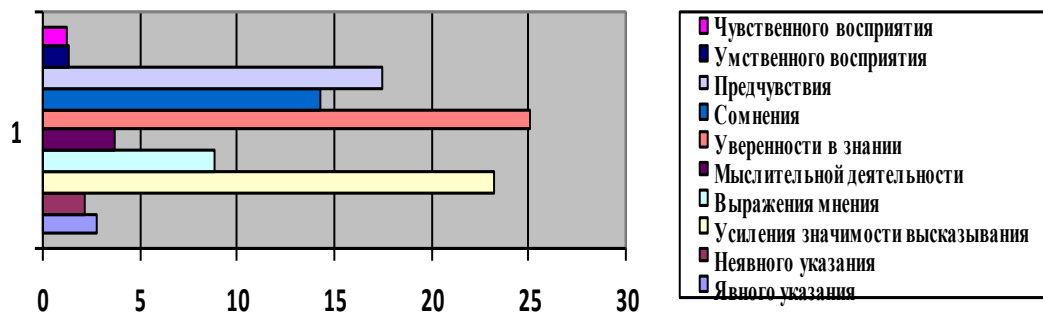

Рис. 1. Группы эвиденциальных операторов, выражающих суггестивную эвиденциальность
 Fig. 1. Groups of evidential operators expressing suggestive evidentiality

Подобная представленность эвиденциальных показателей связана с интенциональной направленностью суггестивной эвиденциальности, связанной с необходимостью оказания категоричного воздействия на читателя в процессе передачи информации и маркировки её источника. Такое воздействие осуществляется при помощи убеждения, побуждения и эмоционального воздействия и предполагает формирования в сознании читателя той или иной картины действительности. В связи с тем, что суггестивная эвиденциальность транслирует эмоции автора и одновременно возбуждает эмоции читателя, что особенно важно для последующего переубеждения и стимулирования последнего к необходимым действиям, автор зачастую стремится акцентировать внимание читателя на сведениях, представляющих для него особую значимость, и отвлечь внимание адресата от информации, способной нанести вред его коммуникативному замыслу. Кроме того, в ходе квалификации и передачи сведений автор может использовать разнообразные психологические приёмы воздействия на читателя с целью установления и поддержания контакта и настраивания собеседника на определенное восприятие сообщения. Такого рода интенциональность исследуемого эвиденциального вида обуславливает предпочтительный выбор операторов, характеризующихся добавочным оценочным и модальным значением, наряду с малым количеством обращений к нейтральным показателям эвиденциальности. Детальный анализ специфики актуализации эвиденциальных операторов вызывает необходимость разграничения подвидов суггестивной эвиденциальности.

Как показал проведенный сопоставительный анализ, в пространстве массмедийного дискурса авторитарная эвиденциальность в большинстве случаев репрезентируется посредством операторов уверенности в знании (35,4 % примеров) и усиления значимости высказывания (35 % примеров), а психологическая эвиденциальность – операторов предчувствия (29,5 % примеров) и сомнения (23,6 % примеров). Данные эвиденциальные подвиды эвиденциальности реже всего выражаются при помощи операторов чувственного

восприятия (1,2 и 1,1 % примеров), умственного восприятия (1 и 1,6 % примеров), неявного указания (1,4 и 2,8 % примеров), явного указания (3,9 и 1,8 % примеров), а также мыслительной деятельности (3,7 % примеров соответственно). Описанные выше данные представлены на рис. 2, 3.

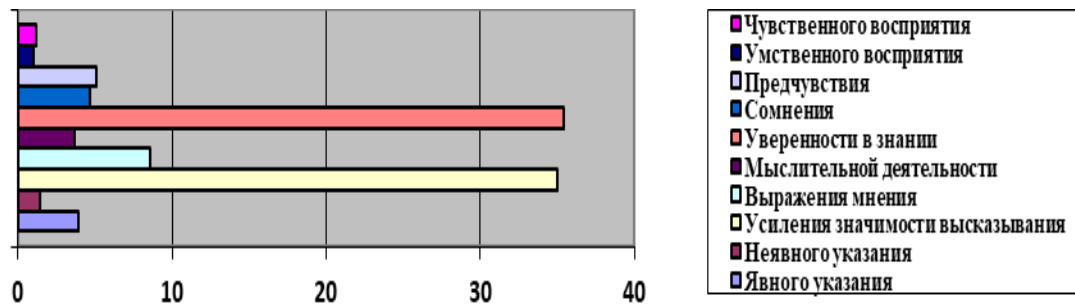

Рис. 2. Группы эвиденциальных операторов, выражающих авторитарную эвиденциальность
Fig. 2. Groups of evidential operators expressing authoritarian evidentiality

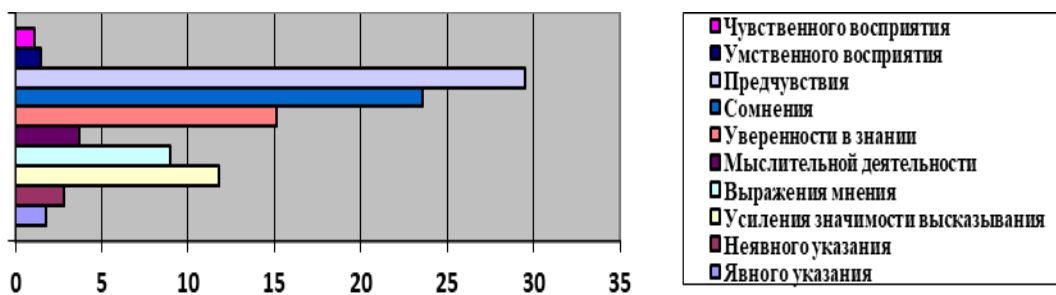

Рис. 3. Группы эвиденциальных операторов, выражающих психологическую эвиденциальность
Fig. 3. Groups of evidential operators expressing psychological evidentiality

Существенные различия в актуализации эвиденциальных операторов связаны с различной интенциональностью авторитарного и психологического подвидов суггестивной эвиденциальности. В случае с авторитарной эвиденциальности суггестивная функция выражена эксплицитно и предполагает директивное воздействие автора на читателя посредством различных языковых стратегий и приёмов, призванных убедить последнего в достоверности передаваемых сведений и их источника, а также модифицировать собственное ему восприятие действительности в интересах нарратора. Реализация данной стратегии обуславливает выбор автором операторов уверенности в знании и усиления значимости высказывания в качестве инструментов воздействия на читателя. В свою очередь, психологическая эвиденциальность выступает в качестве средства репрезентации новой информации посредством воздействия на подсознание читателя и основывается на стремлении автора обеспечить особое эмоциональное и психологическое состояние адресата, вызывая у него сомнения и предугадывая возможное развитие описываемых событий, что приводит к обращению к операторам сомнения и предчувствия в рамках данного эвиденциального подвида. При этом в качестве связующего элемента всей совокупности решений и предпринимаемых автором действий, выступают операторы выражения мне-

ния, обнаруживающие аналогичную представленность в рамках авторитарной и психологической эвиденциальности.

Возникающая в результате функционирования исследуемых эвиденциальных подвидов сложная мультимодальная эвиденциальная семантика обусловила проведение детального лингвосинергетического анализа, способствующего выявлению дополнительных модусных значений (рис. 4).

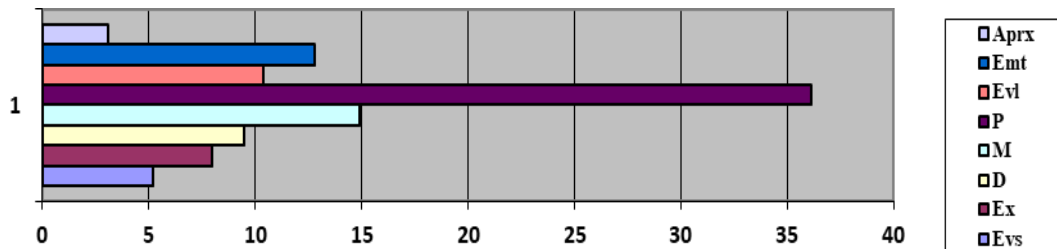

Рис. 4. Реализация мультимодальной семантики суггестивной эвиденциальности
 Fig. 4. Implementation of the multimodal semantics of suggestive evidentiality

Проведенное исследование позволяет утверждать, что приобретение эвиденциальным дискурсивным контекстом дополнительных модусных значений происходит в большинстве случаев (94,8 % примеров). При этом эвиденциальность – *Ev* как правило дополняется персуазивностью – *P* (36,1 % примеров), модальностью – *M* (14,9 % примеров), эмотивностью – *Em* (12,8 % примеров) и оценочностью – *Evl* (10,4 % примеров), что связано с важностью внушения адресату необходимых сведений и оценок, его убеждения и побуждения к выполнению определенных действий в рамках рассматриваемого эвиденциального вида. Специфику подобного воздействия автора на читателя логично рассматривать в контексте авторитарного и психологического подвидов суггестивной эвиденциальности. Особенности формируемой мультимодальной семантики представлена на рис. 5 и 6.

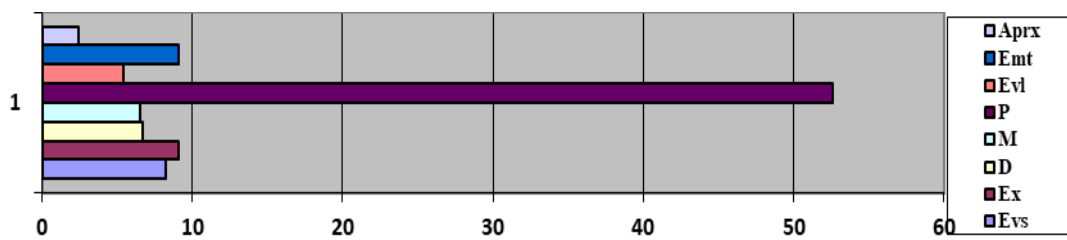

Рис. 5. Реализация полимодальной семантики в рамках авторитарной эвиденциальности
 Fig. 5. Implementation of polymodal semantics within authoritarian evidentiality

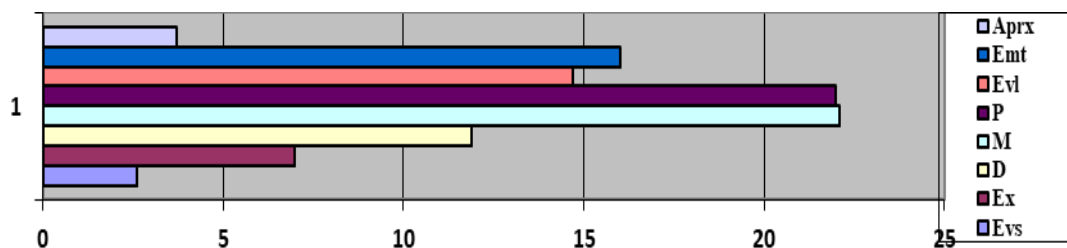

Рис. 6. Реализация полимодальной семантики в рамках психологической эвиденциальности
 Fig. 6. Realization of polymodal semantics within the framework of psychological evidence

Указанные эвиденциальные подвиды характеризуются различной мультимодальной семантикой. Авторитарная эвиденциальность чаще всего приобретает вспомогательное персуазивное значение – *P* (52,6 % примеров), что связано с безапелляционным стремлением автора оказать воздействие на сознание читателя посредством убеждения, а также манипулирования его представлениями и мировоззрением в ходе передачи различного рода сведений. Напротив, психологическая эвиденциальность обладает более широкой семантикой и в равной степени может дополняться семантикой персуазивности – *P* (22 % примеров), модальности – *M* (22,1 % примеров), эмотивности – *Emt* (16 % примеров) и оценочности – *Evl* (14,7 % примеров), что обуславливается иной природой воздействия на область сознания и подсознания читателя и актуализируется посредством различных приемов психологического воздействия, включающих объективное убеждение, субъективную эмоциональность, а также противоречивость субъективного и объективного. В связи с этим применительно к суггестивной эвиденциальности, психологическая эвиденциальность (53,8 % примеров) преобладает над авторитарной эвиденциальностью (46,2 % примеров).

Заключение

В целом проведенное исследование демонстрирует, что в пространстве политического дискурса массмедиа и в ходе передачи информации с учетом коммуникативной направленности рассматриваемого дискурсивного контекста, автор дискурса может обращаться к семантике суггестивной эвиденциальности, выступающей в качестве средства реализации интенциональной доминанты политического дискурса массмедиа. Указанная доминанта связана с необходимостью убеждения и побуждения читателя к определенным действиям, а также представления фактов в необходимом автору дискурсивного контекста ракурсе. При этом значение эвиденциальности не ограничивается выражением указания на источник сведений относительно сообщаемой ситуации, но также включает интерпретацию и модификацию автором информации, что позволяет оказывать желаемое воздействие на читателя посредством случайного/целенаправленного искажения действительности. Тем самым категория «эвиденциальность» выполняет вспомогательную суггестивную функцию, которая в пространстве политического массмедийного дискурса актуализируется посредством авторитарного и психологического подвидов данной категории. Выбор тех или иных эвиденциальных операторов обусловлен стоящими перед автором дискурса целями и оказывается непосредственно связан с контролем подачи информации и формированием оценки, определяющей особенности интерпретации сведений. Такого рода операции с информацией позволяют достичь прагматического эффекта убеждения читателя в достоверности / недостоверности новой либо уже имеющейся информации, вызвать у него необходимую эмоциональную реакцию, а также сформировать у читателя определенное представление об информации и её источнике. Следовательно, суггестивная эвиденциальность предстает как ресурс убеждения и манипулирования в политическом дискурсе массмедиа. При этом реализация интенционального потенциала эвиденциального сообщения вызывает потребность в обращении к добавочным мультимодальным смыслам, способствующим детальной интерпретации информации и её источника. Результатом возникающей синергии модусных смыслов является усиление суггестивного эффекта воздействия на потенциального читателя.

Список источников

- Clear. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/clear> (accessed: June 15, 2022).
Evidence. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/evidence> (accessed: June 15, 2022).
For one's sake. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/for-the-sake-of-somebody-something> (accessed: June 15, 2022).

- Give a speech. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/speech> (accessed: June 15, 2022).
- Hold. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/hold> (accessed: June 15, 2022).
- Hope. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/hope> (accessed: June 15, 2022).
- Important. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/important> (accessed: June 15, 2022).
- In sight. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/in-sight> (accessed: June 15, 2022).
- Joe Biden's voting rights push is futile. 2022. In: The Economist. URL: <https://www.economist.com/united-states/joe-bidens-voting-rights-push-is-futile-and-misguided/21807230> (accessed: June 15, 2022).
- Reason. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/reason> (accessed: June 15, 2022).
- Seem. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/seem> (accessed: June 15, 2022).
- The parable of Boris Johnson. 2022. In: The Economist. URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/01/22/the-parable-of-boris-johnson> (accessed: June 15, 2022).
- Warn. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/warn> (accessed: June 15, 2022).

Список литературы

- Астахова Т.Н. 2018. Корпусное исследование предложных групп с эвиденциальным значением «пересказывательность» в прессе Германии. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2(16): 48–56. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-2-48-56.
- Борботько В.Г. 2011. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М., Либроком, 288 с.
- Дускаева Л.Р. 2014. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров. Жанры речи, 1-2(9-10): 50–57. DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-50-57.
- Иванова С.В. 2017. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США). Политическая лингвистика, 1(61): 41–52.
- Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. 2016. Персуазивная функция масс-медийных текстов: эвиденциальность и эпистемическая модальность. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 6(15): 93–99.
- Козловский Д.В. 2021. Особенности взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с категориями «авторизация» и «аппроксимация» в дискурсивном пространстве массмедиа. Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 4(27): 122–130. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-4-122-130.
- Лунина Т.П. 2020. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке. Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 5(148): 92–97.
- Никонова Е.А. 2022. Реализация категории эвиденциальности в аналитической статье англоязычной качественной прессы. Научный диалог, 1(11): 67–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-67-83.
- Шибяева Л.В. 2000. Жанры в теории и практики журналистики. RELGA, 17(47). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1434&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.06.2022).
- Шмелева Т.В. 2010-2012. Медийное речеведение. URL: <http://www.novsu.ru/file/1145792> (дата обращения: 15.06.2022).
- Murray S.E. 2011. A Hamblin Semantics for Evidentials. In: Proceedings from Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIX (2009). Eds. E. Cormany, S. Ito, D. Lutz. Ithaca, NY, CLC Publications: 324–341.
- Nuckolls J., Michael L. 2012. Evidential strategies in interactional and socio-cultural context. Pragmatics and Society, 3(2): 181–188. DOI: 10.1075/ps.3.2.03int.

- Peterson T. 2010. Epistemic modality and evidentiality in Gitksan at the semantics-pragmatics interface. Vancouver, BC, University of British Columbia, 301 p. DOI: 10.14288/1.0069730.
- Söderqvist E.B. 2017. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English. *Research in Corpus Linguistics*, 5: 17–33. DOI: 10.32714/ricl.05.02.
- Speas P. 2010. Evidentials as generalized functional heads. In: *Edges, heads, and projections: Interface properties*. Eds. A.M. Sciallo, V. Hill. Amsterdam, Benjamins: 127–150. DOI: 10.1075/la.156.10spe.
- Squartini M. 2008. Lexical vs. grammatical evidentiality in French and Italian. *Linguistics*, 46–5: 917–947. DOI: 10.1515/LING.2008.030.

References

- Astahova T. N. 2018. A Corpus-Based Study of Prepositional Groups with Evidential Meaning «Reportive Evidentiality» in German Press. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communicati*, 2(16): 48–56 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-2-48-56.
- Borbot'ko V.G. 2011. Principy formirovaniya diskursa: ot psiholingvistiki k lingvosi-nergetike [Principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguistics Energetics]. M., Publ. Librokom, 288 p.
- Duskaeva L.R. 2014. Speech genres of the journalistic discourse. *Speech Genres*, 1-2(9-10): 50–57 (in Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-50-57.
- Ivanova S.V. 2017. Functional peculiarities of culturally related lexis in political media discourse. *Political Linguistics*, 1(61): 41–52 (in Russian).
- Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. 2016. Mass-media text persuasive function: evidentiality and epistemic modality. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 6(15): 93–99 (in Russian).
- Kozlovskiy D.V. 2021. The different types of interaction of the modus category of evidentiality with authorization and approximation in the mass media discourse. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 4(27): 122–130 (in Russian). DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-4-122-130.
- Lunina T.P. 2020. Means of reported evidentiality expression in the Russian language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5 (148): 92–97.
- Nikonova E.A. 2022. Implementation of category of evidentiality in analytical article of english-language quality press. *Scientific Dialogue*, 1(11): 67–83 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-67-83.
- Shibaeva L.V. 2000. Zhanry v teorii i praktiki zhurnalistiki [Genres in the theory and practice of journalism]. RELGA, 17(47). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1434&level1=main&level2=articles> (accessed: June 15, 2022).
- Shmeleva T.V. 2010-2012. Mediynoe rechevedenie. URL: <http://www.novsu.ru/file/1145792> (accessed: June 15, 2022).
- Murray S.E. 2011. A Hamblin Semantics for Evidentials. In: *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIX (2009)*. Eds. E. Cormany, S. Ito, D. Lutz. Ithaca, NY, CLC Publications: 324–341.
- Nuckolls J., Michael L. 2012. Evidential strategies in interactional and socio-cultural context. *Pragmatics and Society*, 3(2): 181–188. DOI: 10.1075/ps.3.2.03int.
- Peterson T. 2010. Epistemic modality and evidentiality in Gitksan at the semantics-pragmatics interface. Vancouver, BC, University of British Columbia, 301 p. DOI:10.14288/1.0069730.
- Söderqvist E.B. 2017. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English. *Research in Corpus Linguistics*, 5: 17–33. DOI: 10.32714/ricl.05.02.
- Speas P. 2010. Evidentials as generalized functional heads. In: *Edges, heads, and projections: Interface properties*. Eds. A.M. Sciallo, V. Hill. Amsterdam, Benjamins: 127–150. DOI:10.1075/la.156.10spe.
- Squartini M. 2008. Lexical vs. grammatical evidentiality in French and Italian. *Linguistics*, 46–5: 917–947. DOI:10.1515/LING.2008.030.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.09.2022.
Поступила после рецензирования 19.10.2022.
Принята к публикации 05.12.2022.

Received September 02, 2022.
Revised October 19, 2022.
Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козловский Дмитрий Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Kozlovsky, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Translation Studies and Intercultural Communication of Gagarin, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia